Дгс
81210

Садриддин Айни

Ёшлар устози

Садриддин Айни

Сиёраи ишқия

НПО «Истиқбол» - 2010

Садриддин Айни. ***“Старая школа”.*** Повесть, Душанбе, 2010, НПО “Истикбол”, 56 стр.

"КИТОБХОНАИ МИЛЛИИ ТОЧИКИСТОН"
Дек 1910
с/тарж

ISBN 978-99947-53-37-6

000419150
Китобхонаи миллии Точикистон

© Литературный фонд Садриддина Айни

Садриддин Айни
1878 - 1954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько слов для счастливого молодого поколения!

Дорогие дети! Устод Садриддин Айни, наравне со своими монументальными произведениями, написал и для подрастающей молодёжи несколько художественных книг о нашей нации и о других народах Средней Азии. В повести «Старая школа» Айни рассказывает о своём нелёгком детстве, чтобы нынешнее поколение знало, какие тяжкие дни выпали на долю писателя. Несмотря на трудности, под чутким руководством своего просвещённого отца, добрых учителей, а также благодаря влиянию умных мужей того времени и, конечно, своим стараниям, он постепенно достиг вершин своих желаний и высокого положения.

Сегодня в солнечном Таджикистане молодежь может своими усилиями достичь всего, о чем мечтает, а также воплотить в жизнь стремления и надежды своих родителей.

Внимательно прочтите повесть «Старая школа» и, если возникнут вопросы - спросите учителей и помните, что единственный путь в достижении знаний – это труд. Об этом Садриддин Айни писал:

Друзья, давайте всё время учёбе отдавать!
В безделье и глупости не прозябать.
А кто не любит учиться и ленится,
Тот среди людей перестаёт цениться.

Милые друзья, любознательные искатели жемчужин науки и культуры! Я желаю Вам всего наилучшего и хочу, чтобы Вы своими стараниями достигли своих целей.

С уважением, Ваш верный друг
Камолиддин Садриддинзаде Айни

I

Мне было около шести лет, когда отец отвел меня в школу при кишлачной мечети. Мать говорила:

– Тебе было четыре года, четыре месяца, четыре недели и четыре дня, когда мы послали тебя отнести в школу учителю поднос с угощением. Но ты был ещё так мал, что сердце сгорало от жалости к тебе, и мы оставили тебя дома играть и расти. А теперь учись, догоняй твоих ровесников; они с четырёх лет учатся в школе.

Эти материнские наставления взволновали меня, и я решил скорее учиться, догнать ровесников и даже превзойти их.

Однако школа погасила пламень моего усердия и прилежания.

Я пришёл в школу.

Я не увидел там ни того простора, ни света, ни тишины, к каким я привык у нас дома в четырёхоконной комнате. Здесь была тесная комната с двумя дверями; входная, одностворчатая, запиралась во время холодов; другую, маленькую, дверку – в три четверти аршина высотой, в пол-аршина шириной – наш учитель залепил бумагой. Бумагу, чтобы сделать её водонепроницаемой на случай снега и дождя, учитель смазал постным маслом. К маслу липла вся пыль с улицы, бумага стала грязной и чёрной, как тряпка, пропитанная копотью и дымом, какой накрывают котёл при варке плова. Бумага эта была того же цвета, как морщинистое лицо нашего учителя. Ясно, что через эту дверку в комнату попадало мало света. Под самым потолком с двух сторон комнаты находилось два оконца в пол-аршина шириной, но свет, проникавший через них, не попадал в комнату, а освещал лишь верх противоположной стены.

Школа, вся площадь которой была всего шестнадцать квадратных аршин – четыре на четыре, – разделялась на девять ча-

стей брёвнами, положенными одно за другим, так что школа представляла собой как бы девять отдельных стойл.

В стойле, находящемся в переднем углу, возле дверки, сидел учитель, в остальных же, лицом друг к другу, с той и другой стороны бревен сидели ученики.

Я уже не помню, сколько у нас было тогда учеников. Знаю только, что дети из нашего селения собирались сюда от четырёх до двенадцати лет, а селение наше, как говорили, имело тогда триста дворов. Кроме того, в нашем селении жили ходжи*, и оно считалось благословенным; поэтому некоторые набожные окрестные жители отдавали своих детей не в местные школы, а к нам.

Я до сих пор помню, что эта школа показалась мне похожей на наш тесный курятник, где мать сажала кур на яйца и где, бывало, ночевали наседки с цыплятами, прикрыв их своими крыльями. Разница была лишь в том, что цыплята пищали приятным детскими голосками, а громкие крики ребят могли оглушить всякого.

Я вошёл в школу.

За мной мой отец нес завернутое в платок блюдо с изюмом и маленькими вкусными лепёшками. Учитель раскрыл платок и, разломив одну лепешку, кусочек съел сам и предложил отцу. Тот также съел кусочек. Учитель взял ещё одну лепешку, накрошил её так мелко, словно собирался кормить кур, и побросал крошки прямо на ребят. В школе поднялась неописуемая суматоха: ученики рвали друг на друге одежду, царапали лица, норовили выколоть друг другу глаза. Крики, вопли, стоны, вздохи и плачь. казалось, готовы были поднять крышу на воздух. Всё это произошло из-за крошек хлеба, которые учитель даровал ученикам из приношения, сделанного отцом.

** Ходжа – лицо, ведущее свою мнимую или действительную родословную от одного из трёх первых арабских халифов – Абу-Бекра, Омара, Османа, правивших последовательно в 632 – 656 годах.*

Учитель не оставался равнодушным к этой суматохе. За его спиной к стене было прислонено несколько коротких и длинных палок и прутьев. Взяв одну аз палок, аршин примерно в пять длиной, так что конец её упирался в противоположный угол, он начал бить ею по головам ребят подряд, без разбору. Ребята остановились, прервали свалку и дружно взвыли:

– Учитель, милый, простите!

Этот вопль, вылетев одновременно из всех глоток, поднялся к небу.

Я не вытерпел и завыл вместе с остальными. Отец, утешал меня, обещал подарить мне ослика, если я буду хорошо учиться. Учитель, поддерживая отца, сказал:

– Я каждый базарный день буду приносить тебе по кусочку сахара.

Слова отца не могли примирить меня с этой комнатой, созданной, казалось, только для мучения в ней ребят, но обещание учителя, истязавшего других, как палач, а мне посулившего сахар, успокоило моё сердце. Я понадеялся, что меня он бить не будет, но все не отводил глаз от его палок, а особенно от той, которая доставала до самого дальнего угла, от которой никуда нельзя было укрыться.

Дети успокоились. Учитель положил перед собой дощечку, что-то долго писал на ней, а затем показал отцу. Но отец мой согласился не со всем. Вначале учитель заговорил, не вникая в слова моего отца; но и отец заспорил и, наконец, взял верх, – учитель бросил перед ним дощечку:

– Исправляйте сами!

Отец вытащил из кармана ножичек, соскоблил часть из написанного учителем и написал сам.

С того дня отец казался мне очень, очень большим; я решил, что он ученее и сильнее самого учителя, которого я считал самым сильным человеком в нашем селении.

Это ободрило меня, и я подумал, что, если учитель вздумает меня бить, я пожалуюсь отцу, и он придёт и побьёт самого учителя. У учителя есть палка, но и у моего отца есть палка, которой он погоняет волов на пахоте и которая устрашает даже волов при всей их величине. Учитель же, тщедушный, тощий, умрёт, вероятно, от одного удара.

Между тем учитель поставил меня на колени перед собой, положил дощечку на бревно, отделяющее стойлица друг от друга, и заставил говорить «Аузу биллях» и «Бисмиллях»*. Отец давно научил меня этому, и я, не смущаясь, сказал всё это, и язык мой не заплетался.

Учитель изъявил свое удовольствие. Мне казалось, что другие ребята смотрят на меня с завистью. Не поднимая голов, опасаясь учительской палки, они указывали на меня друг другу пальцами, приставленными к правому глазу. Мне казалось, что они непременно проткнут мне глаза этими пальцами, когда останутся со мной наедине.

Учитель прочёл молитву, ребята присоединились к ней, произнося «Аминь». Так закончилась церемония моего приёма в школу. Отец ушёл домой, а я остался один в этом ужасном месте.

II

Когда отец ушёл, учитель посадил меня поближе к себе и велел одному из старших учеников заняться со мной.

Тот, заставляя меня смотреть на дощечку, произносил:

** «Аузу биллях» и «Бисмиллях» – начала мусульманских молитв; из них второй молитвой – «Во имя бога…» в исламе принято начинать каждое дело.*

– Алиф, бэ, тэ, сэ*.

Я подражая ему, повторил эти слова, которые были названиями букв. Когда я научился их произносить, учёник пошёл к другим ребятам и принялся учить их. Ребята называли его халифа**.

После этого учитель вышел из комнаты. В школе немедленно начались проказы. Сначала дети, покинув места, бросились бороться друг с другом; более сильные валили на землю и били менее сильных.

Через полчаса после начала этой возни халифа встал со своего места и, взяв длинную палку, стал бить всех ребят подряд. Испуганный, я хотел бежать, но это было не возможно. Дверь была заперта изнутри на цепь и в щеколду вдета палка, так что шестилетним малышам, подобным мне, нельзя было ни войти, ни выйти.

После слов халифы: «Сядь на место, а то побью!» – я вернулся, сел на свое место и, опустив голову, украдкой смотрел на халифу.

Когда дети расселись по своим местам, халифа, не выпуская длинной палки из рук, встал и крикнул:

– Ребята, теперь стрельба из луков!

Как только раздались эти слова, все закричали:

– Стрельба из лука!

– Стрельба из лука!

– Стрельба из лука!

Вместе с криками началось и дело. Ребята принялись выдергивать соломинки из плетёнок, застилавших пол и служивших здесь коврами и паласами; из своего кармана каждый доставал

** Алиф, бэ, тэ, сэ – азбука арабского алфавита.*

*** Халифа – здесь старший ученик, староста класса, помощник учителя низшей школы – мактаба.*

страха и смущения. Я подивился смелости халифы, и мне самому захотелось стать столь бесстрашным. Но, если бы мне далось такое бесстрашие и если бы учитель вздумал меня бить, я бы не побежал от него, как этот халифа, я вырвал бы палку и сам ударил бы его по голове. Ой, как тяжело, что я так мал и что в сердце моем так много страха!

Учитель спросил халифу:

– Кто затеял здесь шум и драку?

Халифа быстро назвал по имени то ли десять, то ли двенадцать ребят.

Все, прекратив чтение, замерли, вслушиваясь, на кого халифа донесет учителю. Однако учитель не допустил тишины и, подняв свою длинную палку, начал лупить их по головам. Ребята принялись за свои обычные крики, которые назывались чтением, но каждый исподтишка поглядывал на учителя.

Учитель крикнул:

– Молчание!..

Ребята мгновенно смолкли.

Учитель вызвал одного за другим тех десять или двенадцать учеников, которых называл халифа.

Если учитель по ошибке называл не того, халифа поправлял учителя:

– Нет, нет, не этот, вон тот!

– Запри дверь! – приказал учитель халифе.

Халифа запер входную дверь на цепь и вставил в щеколду палку.

– Возьми фалак!* – приказал учитель.

Халифа, зайдя за спину учителя, снял висевшую на стене палку, слегка изогнутую; к двум её концам была привязана верев-

* *Фалак (фаллок) – длинный деревянный стержень с двумя веревочными петлями, служащий в старой мусульманской школе для наказания учащихся; в петли продевали ноги наказываемого и, закрутив и подтянув их кверху, били по пяткам.*

ка. Я и раньше слышал о фалаке, но ещё никогда не видел этой скверной штуки; теперь увидел.

– Ахмад, будешь ещё озорничать? – закричал учитель на одного из мальчиков.

– Сударь, милый! Простите! Я не озорничал! – завопил Ахмад.

Но учитель пренебрёг этими словами, воплями, извинениями и мольбами и приказал ребятам, стоящими по сторонам Ахмада:

– Валите!

Ребята повалили его и, не ожидая второго приказания, окрутили Ахмадовы ноги веревкой фалака и закрутили до того, что веревка чуть не перерезала бедняге ноги. Ахмад взвыл:

– Ой, умираю! Ой, ноги!

Все, прекратив чтение, со страхом и трепетом внимали Ахмаду, но учитель заставил их тоже завопить, опустив на их головы свою длинную палку. Все снова принялись читать громкими голосами.

Учитель выбрал двухаршинный прут из стоящих позади него и вручил его халифе:

– Бей!

Халифа ударил по Ахмадовым пяткам, закрученным в фалак и поднятым кверху.

Не было терпения слушать вой Ахмада, хотя он сливался с криком читающих учеников. Всякий, проходивший по улицам, мог подумать, что это ребята читают вслух.

Халифа бил по пяткам Ахмада до тех пор, пока из рассеченных ранок не засочилась кровь, пока не покраснел прут.

Учитель, увидев окровавленную палку, сказал:

– Довольно.

Развязали фалак, и Ахмад, угрожающе взявшись за подбородок, яростно посмотрел на халифу.

– Возьмите Мухаммеда, – снова приказал учитель.

И Мухаммеда повалили, подобно Ахмаду. Надели ему на ноги фалак и закрутили. Халифа избил и его пятки до крови. Так были высечены десять-двенадцать ребят, вызванных вперед. Мне было невыносимо жаль их – ведь никто из них не отличался в игре, все затеял сам халифа и сам же оклеветал их перед учителем. Мне хотелось сказать ему это, но я боялся халифы. Однако мое сострадание к избитым и мой гнев к халифе продолжались недолго.

Учитель посмотрел на халифу и сказал:

– Я знаю, что все проказы начинаешь ты сам.

И, взглянув на побитых ребят, которые от боли переминались с ноги на ногу, сказал:

– Кладите его!

Ребята будто только и ждали этих слов, повалили халифу, надели фалак ему на ноги и закрутили.

Халифа вопил:

– У меня ноги уже перерезаны, не затягивайте так сильно!

Но его не слушали.

Учитель, дав одному из учеников прут, приказал бить. Ученик принялся лупить халифу по пяткам, а другие закручивали фалак ещё сильнее. Халифа завопил.

– Бейте, как хотите, ой, только не затягивайте так фалак.

Однако те стягивали ещё сильнее.

После того как державший в руках палку ударил несколько раз халифу по пяткам, учитель посмотрел на другого из наказанных и сказал:

– Теперь ты возьми прут. Пусть долг халифы тебе не остается неоплаченным до дня Страшного суда*.

---

* *До дня Страшного суда. Согласно мусульманскому представлению, за долг, не уплаченный при жизни, должник будет в ответе в день Страшного суда.*

Взяв прут из рук первого, следующий стал бить ещё сильнее.

Так, один за другим все, попробовавшие палку халифы, взяли с него свой долг с процентами.

– Теперь довольно, – сказал учитель.

Бьющий остановился, но держащие фалак все ещё не отпускали его.

Учитель спросил:

– Разве ваше сердце все ещё не остыло?

– Соли! – сказал один из них.

– Согласен! – сказал учитель.

Он поискал в своих карманах, потом под тюфячком, на котором сидел, и сказал:

– У меня нет. У кого есть соль?

Все избитые принялись шарить по своим карманам. У двоих нашлась толченая соль, завязанная в тряпочку.

– Сыпьте! – сказал учитель.

На треснувшие и окровавленные пятки халифы насыпали мелкой соли и втерли её пальцами.

Халифа ревел теперь, как бык.

– Отпустите, – сказал учитель.

Ребята раскрутили фалак и освободили ноги халифы от веревок. Вытирая рукавом заплаканные глаза, прихрамывая, халифа поплелся на своё место и сел.

А ребята продолжали громкими голосами читать урок.

Учитель, подняв свою длинную палку и пройдясь ею по спинам и шеям ребят, крикнул:

– Молчание!

Дети умолкли. Учитель сказал:

– Завтра принесите каждый по восьми пулов* за циновки, сегодня вы все циновки порвали.

* *Пул – мелкая монета, одна шестидесятая бухарской теньги или одна четвёртая копейки.*

Все громко закричали:

– Принесем, принесем!

– Освобождение! – сказал учитель, давая понять, что занятия в школе окончились.

Дети, как стайка воробьёв, вспугнутых ястребом, вскочили разом со своих мест и бросились к двери. Она была ещё заперта. Халифа, осторожно встав со своего места, прихрамывая, подошёл к двери, открыл её, вышел сначала сам, за ним вышли и другие, проталкивая друг друга. Я вышел последним. Все столпились около школы. Халифа посмотрел на них и сказал:

– Привет вам.

– И вам привет, – протяжно и громко ответили ему.

Дети рассыпались в разные стороны. Но избитые вместе с халифой повернули в улочку, идущую позади школы, где лежала и дорога к нашему дому. Халифа сказал:

– Завтра – игра в шары и бой перепелов. Приходите приготовившись.

На сегодня кончено! В своей жизни я испытал два освобождения: одно – в 1917 году, когда мне было сорок два года и меня освободили из эмирского застенка после того, как я получил семьдесят пять ударов палкой*, другое же – когда мне было шесть лет и когда я освободился от занятий в школе. Оба этих освобождения для меня – одно милее другого.

III

Я вернулся домой и, увидев мать, заплакал. Мать спрашивала:

– Что с тобой случилось? Почему ты плачешь?

Я ничего не мог ей сказать.

---

* *Садриддин Айни за прогрессивные взгляды был наказан эмирскими властями семьюдесятью ударами палок.*

Наконец появился отец. Он строго спросил:

– Сейчас же говори, что случилось? Иначе я тебе отрежу уши!

Я, задыхаясь от рыданий, всхлипывая, сказал:

– Дети подрались друг с другом.

– Если они дрались друг с другом, тебе-то что? – сказал отец.

– Если ты там ни с кем не дрался и никто тебя не бранил, о чём же плакать?

– Домулло* их побил.

Ученики называли учителя домулло, и я также, подражая им, только что впервые произнес это слово.

– И хорошо сделал: драчливых ребят всегда бьют.

– Я не пойду в школу.

– Это нехорошо, – строго сказал отец и, помолчав, спросил: – Почему не пойдёшь?

– Домулло и меня побьёт.

– Не посмеет. Если он тебя тронет, я ему отрежу уши. Отец вытащил из кармана свой ножичек, показал мне и сказал:

– Вот этим! – и ещё раз повторил: – Если домулло тебя ударит, вот этим я отрежу ему уши.

Я был очень обрадован этим обещанием и, представив себе ненавистного учителя с отрезанными ушами, помечтал: «А хорошо бы, если б он меня ударил. Один раз. Я пожалуюсь отцу, он отрежет учителю уши, а я посмотрю, каков он станет!»

Однако я всё-таки побаивался, потому что до того никогда ещё не пробовал крепкой палки. И когда представил себе палку учителя на своих пятках, пятки мои зачесались и начали гореть, сердце замерло и дыхание стеснилось. Я решил отказаться от ин-

---

* *Домулло (дамулла) – учитель духовной школы; также уважительное обращение к образованному человеку.*

тересного зрелища. Однако сердце моё не соглашалось. У нас по соседству был осёл с отрезанными ушами, и всякий раз, когда сосед выезжал верхом на этом осле, мальчики улюлюкали и кричали, хлопая в ладоши:

– Осел у него безу-у-ухий, осел у него безу-у-ухий!

Я видел радость ребят и сам всегда радовался этому зрелищу, и легко предствлял радость школьников. Они забудут другие забавы и драки и пойдут, радуясь, любоваться на безухого учителя. Сердце моё очень склонялось к этому зрелищу. Мне захотелось устроить так, чтобы и палки не пробовать и лишить учителя ушей. Поглощенный этими размышлениями, я сказал отцу:

– Если вы сначала не пойдете и не отрежете учителю уши, я не пойду в школу.

Он сказал:

– Я тогда подарю тебе ослика.

Ах, ослик, что это за милое животное! А если я надену ему красный ошейник с помпонами и колокольчиком, он станет ещё красивее. А когда сяду верхом, он насторожит свои уши, поднимет хвост и помчится, появиться чувство, что не на осле едешь, а на облаке летишь, прогуливаясь по небу.

Сладкие мечты об осле затмили всю горесть школы, я перестал упрямиться. Однако, опасаясь продешевить, сказал отцу:

– Если я получу ослика с красным ошейником, с помпонами и колокольчиками, тогда, ладно, я пойду в школу.

– Ну, вот и хорошо, сынок, – сказал он. – Иди в школу и не плачь, я всё тебе подарю.

Я вытер глаза и, взяв кусок хлеба, вышел в садик. Отломив от тала ветку, я уселся на низенькую стену, сложенную отцом на месте размытой дождями, и, вообразив, что это осел, принялся подгонять стену палкой, приговаривая:

«Хых, хых».

Стена не двигалась с места. Однако так я удовлетворял мечту об осле, радовал совё сердце.

IV

На другой день я отправился в школу рано утром. Там никого, кроме учителя, ещё не было. Я сказал ему приветствие и хотел пройти на своё место, но он спросил:

– Ты принёс деньги за циновки?

– Нет, я забыл.

– Если забываешь деньги, как же ты сможешь одолеть грамоту? Иди скорее и принеси от отца восемь пулов для покупки циновок.

Не успел я отойти, как он позвал:

– Садриддин!

Вернувшись, я встал перед ним.

– Сложи руки как следует, – сказал он недовольным голосом.

Я сложил руки на груди, одну на другую, доставая кистями рук локти, как требует почтительность и внимание. Но, стоя так, я опасливо поглядывая на палки, расставленные за его спиной. И он уже протянул руку к палкам. Испугавшись я закричал:

– Если вы меня тронете, мой отец отрежет вам уши!

Он заметался и сказал:

– Нет, я тебя не трону. Если не будешь шалить, никогда не буду бить.

Успокоенный его смехом, я ждал второго приказания. Он взял короткие прутья и, дав мне их в руки, сказал:

– Отнеси их и брось в пруд около мечети, а потом сходи домой за деньгами.

Обрадованный удалением из школы палок и смехом учителя, я побежал так, что ноги мои, казалось, не касались земли. Прежде всего я бросил палки в пруд. Прибежав домой, я увидел отца, за-

нятого вытесыванием колёс для водяных мельниц, и попросил денег.

– Сколько?

– Восемь пулов.

Поискав в кармане, он отсчитал восемь медных монет и дал мне. Я вышел из отцовской мастерской, но вернулся и сказал:

– Домулло посмеялся надо мной и обещал, что не будет меня бить, и дал мне прутья, чтобы я бросил их в пруд.

– Хорошо, хорошо, иди скорее, повторяй свои уроки, – ответил отец.

Бегом я вернулся в школу. Часть учеников уже пришла, и учитель был занят сбором денег на циновки. Я также хотел пройти и вручить ему деньги, но не протянув руки, а сложив их одну на другую на груди. Я зажал деньги между пальцами и так показывал их ему. Он снова засмеялся и сказал:

– Ну, вот и хорошо, теперь ты стал вежливым, – и прибавил: – Когда даёшь деньги, можно и не складывать рук.

Осмелев от этой уступки, не отнимая левую руку от груди, я протянул ему деньги правой. Он взял их и помолился за меня, сказав:

– Дай тебе бог вырасти большим и обучиться грамоте.

Я подумал: «Он, оказывается, не так плох! Он выбросил из школы палки и помолился за меня».

Он опять принялся сбором денег. Каждого, кто не принес их, он отсылал домой. Некоторые возвращались без денег и сообщали, что их отец обещает расплатиться в базарный день. Учитель возражал:

– И я тоже, пока вы все не принесёте денег, не буду покупать циновок, а эти, старые и рваные, пошлю на топливо в комнату для

омовений*. Вы же будете сидеть прямо на земле, и для игры у вас не найдётся ни единой соломинки.

При этих словах ребята, принесшие деньги, стали подталкивать тех, кто не принес. А те оправдываясь, плача:

– Я же сказал, что в базарный день!

Но и я счёл их отцов жадными и скупыми. Я не знал тогда, какую цену имеют восемь пулов, равные двум копейкам. Теперь я вспоминаю, что как раз в те дни к нам домой приходил гость, и отец мой, давши мне мешок и одну теньгу, в которой считается шестьдесят четыре пула, послал меня к нашему односельчанину Шариф-баю, торговцу рисом.

– Отнеси и отдай ему эти деньги. Он даст тебе два чойрика** риса. Только не говори, что мы будем варить молочную кашу, а то даст плохой рис. Если он спросит: «Что вы будете готовить?» – скажи: «пищу», а какую, – не говори.

Теперь я понимаю, что если на шестьдесят четыре пула давали два чойрика, то есть четыре кило лучшего риса, то восемь пулов должно было хватить на полкило риса.

В спорах о деньгах на циновки подошло время завтрака, и учитель сказал:

– Вставайте, завтрак!

Все с шумом поднялись и после приветствий разбежались по домам.

И я, придя домой, слегка перекусил и, поиграв немножко со своей кошкой, вернулся в школу.

Учитель все ещё не был в школе. Школьники возвращались один за другим.

---

* *Комната для омовений – помещение, устраиваемое при мечети; в холодное время воду, находящуюся там для обрядового омовения, подогревают.*

** *Чойрик (чорьяк) – мера веса, равная 2 кг.*

Когда собрались учитель, говоря «читайте!», поднял свою длинную палку. Все начали громко читать, и я тоже кричал: «Алиф, бэ, тэ, сэ».

Посмотрев на халифу, учитель сказал:

– Займись с учениками.

Прихрамывая от вчерашних побоев, халифа встал и, приса-живаясь поочередно около каждого, задавал уроки. Сегодня за-нятия со мной учитель взял на себя и, посадив меня напротив, положил передо мной дощечку:

– Читай свой урок.

Я, не смотря на дощечку, произнёс:

– Алиф, бэ, тэ, сэ.

– Правильно! Молодец! – похвалил он меня и, продолжая пи-сать, сказал: – Читай дальше, говори: «Джим, хе, хэ».

Я со слов учителя, смотря на его грязное увядшее лицо, мут-ные, слезящиеся глаза, козлиную бородку, которая во время раз-говора двигалась вверх вниз, следуя за движением подбородка, повторял эти слова, называя буквы по их названиям:

– Алиф, бэ, тэ, сэ.

Но я не знал, где там начало и где продолжение. Все ещё разглядывая лицо учителя, я стоял молча, с почтительно сложен-ными руками.

– Я говорю, читай дальше, – сказал он строго, продолжая пи-сать. Затем сложил написанное в свою папку поверх листов бу-маги, на которых он писал с самого утра, посмотрел на меня и, подумав, определил:

– Оказывается, ты очень тупой ребёнок. Я столько учил тебя, а ты всё ещё не научился.

Я спросил:

– Чему вы меня научили?

– Джим, хе, хэ, – сказал он.

– Это-то я знаю, – воскликнул я и, повторив «джим, хе, хэ», прибавил: – Это-то я знаю, а дальше не знаю.

– Дальше это самое и есть, – сказал он. – Ну, молодец, садись на своё место и учи.

Я вернулся на своё место и принялся повторять «джим, хе, хэ», все ещё не отрывая глаз от учителя и особенно от его козлиной бородки. В то время как он, полузакрыв глаза, молча писал, меня очень занимала его борода. Она напоминала мне бороду того козла, который когда-то был у нас. Я пас его сам и очень хорошо откормил. Пришла суровая зима. Все арыки замерзли. Мельницы остановились, и никто не покупал колёс, вытесанных моим отцом. Отец мой почти два месяца не находил денег, чтобы купить мяса. В конце концов он решил зарезать козла. Я не соглашался, кричал и плакал, но отец, не обращал внимания на мои вопли и крики, наточил нож, связал козлу ноги, повалил его на землю и, в то время как моя мать держала козла за ноги, перерезал ему горло. Я продолжал плакать, поглядывая на козла. Когда козёл, издыхая, глотал воздух, борода его называя ласковыми именами. Глаза козла были полуоткрыты, борода торчала вперед. Борода учителя, который теперь сидел молча, была как раз похожа на бороду моего тряслась совершенно так же, как борода учителя, когда он разговаривал. Когда козёл затих, отец отрезал ему голову и бросил её на землю. Я поднял эту голову и разглядывая её, мертвого козла. Когда я смотрел на учительскую бороду, я вспомнил своего козла, и мне взгрустнулось. Я все же повторял:

– Джим, хе, хэ.

В это время кто-то постучался, подойдя снаружи к дверке, около которой сидел учитель.

Говоря: «Кто там?», он открыл свою залепленную бумагой дверь. Мы увидели женщину в покрывале с закрытым лицом.

Протянув учителю одну теньгу, она сказала:

– Возьмите это приношение, дайте молитву против головной боли, против зубной боли, против болезни глаз и молитву о благополучных родах, а также освободите на сегодня детей.

– За одну теньгу четыре молитвы, да ещё освободить ребят? Это не выйдет! Дайте ещё хоть одну теньгу, – сказал учитель.

Я пришла издалека, из Обкены, – ответила женщина. – Наш сосед – Шараф-бай. Его жена не может разродиться и очень мучается. Он послал меня, дав мне теньгу за молитвой о благополучных родах. А соседки заказали молитвы от своих болезней и обещали: «Как соберем денег, так отдадим домулло приношение, а ты отнесешь». Ради доброго дела я пришла издалека пешком. Дайте молитвы – когда они отдадут даньги, я вам принесу. А теперь отпустите ребят во славу божию.

Учитель взял теньгу, положил её в карман и, вынув четыре молитвы из числа тех, которые он писал с самого утра и которым была полна его папка, дал женщине.

– Которая молитва от которой болезни? – спросила женщина.

– Они годятся для всяких надобностей и от всяких болезней, – сказал учитель.

Взяв молитвы. женщина ушла, а учитель отпустил учеников, говоря:

– Во славу божию!

И на сегодня мы освободились от занятий в школе.

На другой день, еще не успели нас отпустить на завтрак, как к дверям школы подъехал верховой и позвал учителя:

– Домулло, домулло!

Не открывая дверей, учитель откликнулся:

– Что вам?

– В Обкене похороны. Жена Шараф-бая умерла! – И погнал свою лошадь в другую сторону.

Учитель, смутившись, снял с головы чалму и, положив её на землю, направился к выходу, вероятно, чтобы омывшись, помолиться об успокоении её души.

– Не помогла ваша молитва, все-таки умерла жена Шараф-бая! – сказал ему насмешливо халифа.

– Не богохульствуй, – ответил учитель. – Молитва не могла не помочь! Она умерла от своего неверия. Если бы она имела веру, она бы спаслась. Ибо сказано: «Вера и спасение».

– Вам пора завтракать, – сказал учитель и вышел.

Ребята разбежались на завтрак, ушёл и я.

Через час мы все собрались снова.

– Ребята уговор! – сказал халифа.

– Какой? – спросили дети.

– Как бы мы ни играли, пусть никто не ябедничает! – сказал халифа.

– Не начинай сам! – сказал ему один мальчик постарше, который по доносу халифы попробовал учительской палки.

– С этих пор никто ни на кого не доносит. Уговор! – ответил халифа и, посмотрел на меня, сказал: – Ты смотри, своему отцу не говори. Твой отец сутяга: один раз он застал меня на вашем урюке, так он учителю пожаловался и моему отцу пожаловался, и они меня оба били. А если скажешь, – пригрозил халифа, – я прикажу другим ребятам с тобой «кучу малу» сделать.

– Нет, я не скажу.

Если сначала я обещал не говорить для отвода глаз, то после его угрозы я обещал это уже всерьез – я боялся «кучи малы».

Однажды к нам в селение пришел бродячий рассказчик и собрал возле себя толпу. В тот день все взрослые ушли на угощение в соседний кишлак, и вокруг рассказчика собрались лишь только дети и молодёжь.

Когда его рассказ дошёл до самого интересного места, рассказчик потребовал: «Пусть каждый принесёт, что сможет: хлеб, деньги, дыню, арбуз, сушёный урюк, изюм. Тогда я расскажу конец».

Юноши и дети сбегали по домам и каждый принес что-нибудь и дал ему. Я также принес от матери пригоршню сухого урюка.

Всё собранное рассказчик сложил в свой мешок, нагрузил на осла и, пообещав: «Конец я расскажу на следующей неделе, когда приеду», хотел сесть на осла. Мы принялись его умолять: «Расскажите сейчас конец; если собранного мало, мы ещё принесём». Он не согласился и сел на своего осла. Тогда один из юношей закричал: «Куча мала!»

Все, крича: «Куча мала! Куча мала!», набросились на рассказчика, стащили его с осла и принялись бить. Рассказчик кричал: «Ой, умираю, отпустите, я расскажу!» – «Наша «куча мала» интереснее вашего рассказа», – ответили ребята и продолжали бить его.

Наконец рассказчик ослабел, у него не осталось сил даже для крика.

«Теперь мы окунем его в воду, – предложил один из ребят. – Поднимайте!» Все разом подняли полуживого рассказчика и опустили его в воду канала Мазранган. Окунув, его снова выволокли на берег. Один из юношей, держась за дерево, нагнулся и вытащил из воды чалму, упавшую с головы рассказчика; её положили в мешок, а самого хозяина в мокром халате, промокшего до нитки, посадили на осла, вывели осла на дорогу и, ободрив обоих ударом палки, сказали: «Идите, убирайтесь, сами – впереди, а за вами – ваш рассказ!»

С тех пор я боялся «кучи малы» и поэтому отвечал халифе от всего сердца:

– Нет, я ничего не расскажу отцу!

– Теперь – игра в ишти*, – скомандовал халифа.

Вероятно, и раньше школьники часто играли в эту игру – быстро вскочив с своих мест, они сдвинули в сторону рваные циновки и выкопали ямки для шариков…

Игра началась. Было проиграно и выиграно немало урючных косточек. Искусные обманывали простаков, сильные били слабых и отбивали у них выигрыши. Опять началась драка, плачь, мольбы и разрывание друг на друге одежды.

Один из ребят пристал ко мне:

– Или играй, или мы окружим тебя и сделаем тебе «калля-кубак».

У меня не было ни шариков, ни косточек, и я не умел играть. Мать никогда не делала карманов ни в моей рубашке, ни в халатике.

«Дети, у которых есть карманы, становятся ворами», – говорила она, но и открыто не позволяла мне также носить игрушки. Поэтому я в те времена не знал никаких игр.

Но я боялся также и «калля-кубака», потому что это была очень скверная шалость: несколько ребят окружили одного и, обнажив ему голову, принимались долбить ему голову ногтями так, как дятел, долбит кору деревьев.

Я был в замешательстве, не зная, как спастись от «калля-кубака».

К счастью, халифа сжалился надо мной.

– Оставьте его в покое, – сказал он, – его отец очень опасный человек.

---

* *Ишти – каменные или металлические шарики, употребляемые при одноименной игре – ишти бози. Игра заключается в том, что один из играющих бросает свой шарик к краю ямки, а другие поочередно катят свои шарики, стремясь попасть в первый и сбить его в ямку. Тот, кто сбил шарик, считается выигравшим и получает определённое число орехов, абрикосовых косточек или монет, в зависимости, на что велась игра.*

Хотя то, что он говорил о моем отце, горько отозвалось в моем сердце, мной был найден выход на случай подобных напастей. После того, как только ребята по причине беспричинно начинали ко мне приставать, я кричал халифе:

– Или успокой ребят, или я скажу отцу про наши игры.

И халифа сейчас же удерживал ребят.

Халифа, взяв длинную палку и успокоив несколькими ударами игроков, ссорившихся из-за шариков, сказал:

– Теперь перепелиный бой.

Но дети не были особенно склонны к этой игре, потому что ни у кого из них, кроме самого халифы и ещё одного мальчика, перепелов не было.

Но халифа нашёлся и в этом:

– Мы заставим драться наших перепелов, а вы держите пари друг с другом, – сказал он.

Но для того, чтобы держать пари, у большинства мальчиков денег не было, а при игре в шарики кончились и косточки.

– Если так, мы сбегаем за косточками домой.

Халифа согласился, и многие разбежались по домам.

Пока он бегали, халифа с ребятами, оставшимися в школе, закопал ямки, сделанные для игры в шарики, постелили на место рванные циновки, а в середине школы небольшой круг оставил незастланным.

Ребята вернулись, и перепелиный бой начался.

Халифа с другим школьником, у которого также был перепел, сели друг против друга в кругу, оставленном посреди комнаты. По сторонам разместились остальные; те же, которым в кругу не хватило места, стояли позади сидящих.

Халифа и его противник вытащили своих перепелов из-за пазухи, где было утроено для птиц место. Каждый полизал своему перепелу клюв, расправил лапки, смазал слюной пальцы, поплевал под крылья.

Халифа спросил:

– Сколько с меня и сколько с тебя?

–Двадцать с меня двадцать с тебя, – ответил противник.

– Тридцать с меня, тридцать с тебя.

– Пятьдесят с меня, пятьдесят с тебя!

Наконец сговорившись на «сто с меня и сто с тебя», то есть, если чей-нибудь перепел убежит, его хозяин даст противной стороне сто косточек.

– И вы также уговаривайтесь об условиях! – предложил халифа остальным.

Те бились об заклад: кто – за перепел халифы, говоря, что он сильнее, кто – за другого перепела, надеясь, что победителем будет тот.

Переговоры закончились. Оба хозяина выпустили своих перепелов на пол. Перепела, подобрав лапки и вытянув шеи, вступили в бой. Один, выпустив когти, целился в глаза другому; другой, уцепившись за шею первого, силился свалить его с ног. Через недолгое время головы бедных перепелов окровянились. Однако ни одни из них не уступал. Соперники, взяв своих перепелов, опять принялись их гладить и почёсывать, после чего снова пустили в бой. Перепела продолжали битву.

После нескольких кругов перепел противника халифы пустился в бегство, издавая свист: «хушт». Перепел халифы преследовал его по всему кругу.

Вой поднялся со стороны ребят, началось хлопанье в ладоши, свист, улюлюканье…

В эту минуту, подобно внезапному бедствию, вошел учитель. Вероятно, ходившие домой за косточками забыли запереть изнутри дверь, и учитель появился без всякого стука.

Ребята были так увлечены, что никто его не заметил, пока он не взял своей длинной палки и не принялся колотить ею по голо-

вам учеников. Лишь я, стоявший поодаль от поля битвы, хотя и смотрел одним глазом на птиц, все же не отрывал глаз от двери. И поэтому, лишь только показалась козлиная бородка учителя, я тихонько пошел и сел на своё место.

Учитель устав действовать своей палкой, сел на своё место и сказал мне:

– Ты умный мальчик.

Остальные успокоились на своих местах. Халифа подошел встал прямо против учителя. Вероятно, он надеялся, что учитель опять спросит у него имена виновных. Однако надежды его не оправдались. Учитель, ничего у него не спрашивая, приказал:

– Пойди принеси прутья, которые я вчера велел бросить в хауз. Они теперь отмокли и очень хороши, чтобы научить вас вежливости.

Халифа ушел, все ученики дрожали, как таловые листочки, и лишь я один сидел бестрепетно, успокоенный словами учителя: «Ты умный мальчик».

Халифа принес прутья и сложил их перед учителем.

Учитель приказал:

– Ребята начнём с этого.

Несколько учеников постарше подошли и, повалив халифу на пол лицом вверх, надели на его ноги фалак, закутали его и дер-жали, приготовив пятки халифы для ударов.

Я увидел, что на вчерашних его ранах ещё видна запекшаяся кровь.

– Бей! – приказал учитель.

Один из ребят поднял с земли ещё мокрый прут и ударил халифу по пяткам. С первого же удара прут разломился на куски.

Мальчик взял другой, и тот также сломался от первого удара. Таким образом, все прутья, не причинив пяткам халифы никакого вреда, упали на землю, развалившись на части.

Учитель рассерженный, поднял с земли обломки, рассмотрел их и сказал:

– Все прутья, которые я послал бросить в хауз, были тутовые. Они, пролежав ночь в воде, никогда не ломаются. Этот негодяй принес не те прутья, он принес сухие веточки тала, обмакнув их разок в воду. Пойди, принеси из воды мои прутья, – сказал он ученику, стоявшему с прутом в руках.

Тот пошел. Халифа же лежал с фалаком на ногах.

– В хаузе нет прутьев, – сказал вернувшийся ученик.

– Ясно! Это негодяй где-то их спрятал. Ладно, после этого я приготовлю вместо тутовых гранатовые. Теперь я все же найду способ его проучить. Положите его лицом вниз! – велел учитель ученикам.

Халифу положили лицом вниз, учитель, подняв свою длинную палку, принялся бить ею по спине халифы. Но халифа, лежа на локтях и коленях, словно полз на четвереньках, вертелся при ударах учителя, ослабляя их.

– Вытяните ему руки и ноги и положите его ровно, – приказал учитель.

Два мальчика потянули халифу за руки, два других – за ноги, а ещё несколько навалились ему на спину.

Халифа невольно вскрикнул:

– Тише, как бы перепела не задавить!

– У него перепел? Найдите перепела и дайте мне.

Ребята мигом запустили руку за пазуху халифы, достали оттуда перепела и подали учителю.

Учитель без разговоров оторвал бедному перепелу голову, ещё хранившую следы крови после битв, и бросил. Халифа закричал:

– У Ахмада тоже есть перепел! Почему вы не убиваете его?

– Найдите и того перепела!

Ребята, оставив халифу, набросились на Ахмада. Халифа, также вставши, запустил руку за пазуху Ахмада и, отыскав перепела, вынул его и собственноручно подал учителю.

Учитель оторвал голову также и тому и бросил…

– Убирайтесь, на сегодня освобождение. Наказание палками завтра, – сказал он и прибавил: – Завтра четверг, не забудьте четверговый хлеб*.

Школьники, толкая друг друга, вышли из школы, но сегодня после общего поклона сразу не разошлись. Тут же, на улице, они сели подсчитывать выигрыши и проигрыши после перепелиного боя. Выигравшие требовали от проигравших свои выигрыши. Проигравшие отнекивались тем, что перепела уже мертвы; что бой был прерван, и не хотели отдавать своих долгов. Ребята сцепились друг с другом. Халифа и Ахмад, сняв халаты и отложив их в сторону, вступили в драку по всем правилам. Я уже бежал в сторону своего дома.

V

Я продолжал учиться в школе. Продолжались и озорство и проказы. Все же в течение нескольких недель, несмотря на шалости и шум, я выучил все буквы арабского алфавита. Иногда со мной занимался халифа, иногда же – сам учитель. Затем начались уроки «зер-у-забар»**. Уроки «зэр-у забар» были интереснее

* *Четверговый хлеб – лепешка, которую каждый ученик низшей мусульманской школы должен был приносить учителю по четвергам, накануне еженедельного праздничного дня.*

** *Зэр-у забар – значки, ставящиеся в арабском письме вместо гласных; из них зэр ставится под строкой и читается как «и», а забар – над строкой и читается как «а». Названный ниже знак «пеш» значит «у». Дальше переданы и другие грамматические правила; например, первая буква арабского алфавита алиф с забаром читается «а», с зэром – «и», с пешем – «у»; алиф с двумя забарами читается как «ан», с двумя зэрами – «ин», с двумя пешами – «ун».*

уроков, на которых я учил названия букв. На этих уроках меня научили произносить «алиф забар-а, зэр-и, пеш-у», и я повторял протяжно: «алиф забар-а, зэр-и, пеш-у». Произношение этих слов мне было приятно и ласкало слух. Так выучил я буквы с начала до самого конца арабского алфавита.

После этого пришла очередь урока «два забара, два зэра, два пеша». В этом уроке меня научили «алиф ду забар-анду, ду пеш-ун». И этот урок был неплох. Слова казались мне мелодичнее и звучнее. Если на уроке одного забара, одного зэра, оного пеша произнесение слов «алиф забар-а, зэр-и, пеш-у; бэ забар-ба, зэр-би, пеш-бу» можно было счесть за медлительную интродукцию к музыкальному произведению, то в уроке « ду забар, ду зэр» произнесение «алиф ду забар-анду, ду зэр-инду, ду пеш-ун; бэ ду забар банду, ду зэр бинду, ду пеш бун» можно было счесть за следующее затем развитие музыкальной темы в более быстром темпе.

Я выучил и этот урок до самого конца арабского алфавита.

При каждом новом уроке моего обучения изменялась и дощечка.

Но их писал для меня не учитель. Он поручал это моему отцу, говоря:

– Твой отец – человек, всюду ищущий недостатки.

Ему не понравилось, как написал я. Скажи ему, пусть сам для тебя напишет.

И отец написал для меня сам.

В конце года я начал учить «абджад»*. Эти уроки мне совершенно не понравились. Меня учили:

– Говори: «алиф бо бэ забар – аб; джим бо даль забар – джад – абджад».

* *Абджад – первое из восьми искусственных сочинений арабских букв, с которого начиналось обучением слогам, а также счету, по числовому значению букв.*

С одной стороны мне было трудно произносить эти слова, с другой – и звук их был немузыкален и скучен…

Однажды отец сказал мне:

– Теперь, когда ты уже можешь читать абджад, я научу тебя счету абджад, – и положил передо мной дощечку с написанным на ней абджадом.

Показывая букву за буквой, он спаршивал:

– Это что? А это?

Я не мог ответить ни на один вопрос отца. Я совершенно не знал, что это такое: никто до сих пор букв мне не показывал.

– Что же ты учишь в школе последние дни? – спросил меня отец с досадой.

– Алиф бо бэ забар – аб; джим бо даль забар – джад – аб-джад… – произнёс я наизусть то, что я выучил из уроков абджада.

– А, так ты попугай! – сказал мне отец. – Ты все это произносишь и сам не знаешь, что такое ты говоришь.

Тогда мне запало в сердце, что, вероятно, попугай – это что-то очень скверное. Лишь позднее я узнал, что попугай – это очень красивая и умная птица, которая научается всему, что ей говорят, и повторяет это. Но, так как она не человек, она не понимает смысла того, что говорит.

Затем отец порылся в моей сумке, вытащил старые дощечки, на которых были написаны уроки алфавита и «зэр-у забар», и, показывая мне на каждый черный значок, изображённый на них, снова начал спрашивать:

– Что это такое?

Я опять не мог ничего ответить, но когда отец, показывая мне дощечки, говорил: «Прочитай вот это!», – я сверху донизу прочитал наизусть и то, что было там написано, и то, чего там не было.

– Отец снова повторил:

– Ты попугай, – и прибавил: – Это не твоя вина, а вина твоего учителя и халифы. Они заставили тебя выучить все, но ничему не научили.

Помолчал намного и ещё прибавил:

– Он – полуграмотный слепец, а я-то требовал от слепца зрячих глаз. Я дурак.

И, посмотрев на меня, решил:

– Сегодня не ходи в школу.

Я очень обрадовался, так как чтение абджада мне страшно надоело…

***

Отец мой пригласил к себе в гости старшего имама нашего селения, мутаваллия, муэззина* и нескольких стариков. Они пришли после вечерней молитвы. Мы вынесли скатерть с угощением, подали рисовую кашу.

Я должен упомянуть, что в нашем доме вечером базарного дня или тогда, когда приходили гости, по большей части варили молочную рисовую кашу. Отец мой говорил матери:

– На плов идет много сала, тратится также и мясо. Молочная каша выходит дешевле. Для неё мы покупаем только молоко и немного масла получаем от своей коровы.

Несмотря на это, каждый раз, когда он посылал меня к торговцу рисом, он говорил:

– Не говори, что мы будем варить молочную кашу, а то он даст плохой рис.

---

* *Имам – мусульманское духовное лицо, руководящее молитвой в мечети, буквально «стоящий впереди», «предстоятель». Мутаваллий (мутевалли) – попечитель имущества религиозно-благотворительной организации. Муэззин (муэдзин) – низшее мусульманское духовное лицо, в обязанность которого входит возглашение с минарета или другого возвышения призыва мусульман на молитву.*

Однажды я спросил:

– Сказать, что мы будем варить плов?

– Нет, – сказал отец, – это будет ложь, не привыкай лгать. Не упоминай вовсе названия кушанья.

Тогда я узнал, что лгать – очень нехорошо.

После того, как гости, вылизав блюдо из-под каши, принялись за чаепитие, отец мой, посмотрев на главного имама, сказал:

– Цель моя, ради которой я затруднил дорогих гостей, заключается в том, чтобы поговорить насчёт школьного учителя.

– Что случилось с учителем? – сказал имам с неудовольствием.

– Ничего не случилось. Только то, что он неграмотен, – сказал отец и прибавил:

– Он не может даже написать алфавита, так что мне пришлось самому написать алфавит для моего сына.

Мутаваллий, взяв сторону имама, сказал:

– Для ребят нашего селения будет вполне достаточно, если он научит их тому, что сам знает. В нашем селении никто не намеревается сделать из своего сына мударриса.*

Отец сказал:

– Это учитель не может даже научить тому, что он сам знает. Мой сын учился у него целую зиму, теперь он читает абджад; однако по написанию он не может отличить алифа от бэ. Кроме того, учитель не следит за ребятами, все они стали картёжниками и любителями перепелиного боя.

Из этих слов отца я понял, что он узнал о бое перепелов, и очень испугался. Если об этом услышит халифа, он, думая, что это я сказал отцу об их играх, устроит со мной «кучу малу». И я впал в задумчивость.

---

* *Мударрис – старший преподаватель медресе (мусульманской духовной семинарии).*

– Если вы сами, – сказал имам, – более грамотны и лучше умеете обучать, учите своего сына сами. Какая вам нужда посылать его в школу и давать за него приношения и четверговый хлеб. А бедного учителя оставьте в покое, чтобы он не был лишен куска хлеба.

– Я имею клочок земли. Для пропитания своей семьи я должен его обрабатывать. Доходов с него на жизнь не хватает. В свободное время я принужден заниматься вытачиванием мельничных колес. Сверх того, зимой я тку одежду для своих детей. Если я сам буду обучать моего сына грамоте, кто будет заботиться о нашем пропитании?

Отец помолчал немного, нахмурив лоб, и вдруг, рассмеявшись, сказал, глядя на имама:

– Угощая вас, я имел цель убрать учителя и подыскать на его место лучшего. Раз вы на это не согласны, сделайте что-нибудь, чтобы моя каша не была съедена даром.

Мой отец имел удивительное обыкновение: он говорил напрямик то, что было у него на сердце, и никого не стеснялся. И здесь также он прямо высказал цель своего угощения. Лишь для того, чтобы не обидеть гостей, он смягчил свои слова смехом.

– Что же мне сделать, чтобы ваша каша у меня переварилась? – спросил имам.

– Разрешите моему сыну учиться у учительницы в вашем доме вместе с девочками.

– Как же мы разрешим мальчику быть вместе с девочками? – спросил имам.

– Оставьте эти отговорки, несогласные с шариатом, – сказал отец, – моему сыну теперь семь лет. Шариат разрешает мальчикам быть вместе с девочками до двенадцатилетнего возраста.

Имам согласился.

– Ладно, посылайте, пусть учится. Но время от времени угощайте нас кашей, – заключил он свои слова также смехом.

На этом угощение и закончилось. Я был очень доволен тем, что освободился от страха перед «кучей малой» халифы.

VI

На другой день мать отвела меня в девичью школу. В виде приношения на блюдо, поверх изюма и лепешек, были положены также платок и тюбетейка, вышитая ко дню празднества по случаю моего обрезания.

Учительница была женой главного имама нашего селения. Сам имам был из Дарваза, жена же его происходила из Гиждувана.

Это была белолицая женщина средних лет, очень толстая, с большим животом. Она была до такой степени толста, что, когда сидела, скрестив ноги, колени её казались двумя колесами.

Когда мы вошли к ней, она сидела, скрестив ноги, в переднем углу на пяти-шести тюфяках, сложенных один на другой. Вдоль стен комнаты сидели на кошме девочки.

Около них, вместо бревен, служащих столами в школе для мальчиков, лежали сложённые вдвое подушки, на которые они клали свои книги. Учительница любезно приняла мою мать. Смеясь, она заявила, что принуждена принять меня за рисовую кашу моего отца, и прибавила:

– Когда ваш сын начнёт учить «Таббат»*, вы принесете и мне блюдо рисовой каши.

– Пусть только бог приведет нас к тому дню, я принесу вам блюдо с пловом, – сказала в ответ ей мать.

---

* *«Таббат» («Да погибнут») – 111 глава Корана – книги, считающейся у мусульман священной.*

Биби-халифа, наша учительница, развернув салфетку, разломила хлеб и дала от моего приношения также и девочкам. Но она не бросила кусочков хлеба перед ними так, как это делал учитель, а передала хлеб в руки своей халифы, которая была девочкой постарше, и та раздала хлеб остальным, по кусочку каждой, оставив себе самый большой.

Над салфеткой была прочтена молитва, и учительница приступила к занятиям со мной, также начав с «Аузу биллях» и «Бисмиллях». Так закончилась церемония моего вторичного начала учения. Мать ушла, и я остался в школе для девочек.

Мне был задан урок из середины абджада, с того места, до которого я дошел в той школе. Методы уроков биби-халифы были несколько иными: она заставляла меня произносить названия букв, указывая на каждую палочкой, которую держала в руках. Но и она не обращала никакого внимания на то, понял я что-нибудь или нет.

Она все время была занята задаванием нам уроков. По одной она вызывала к себе своих учениц и занималась с ними, и целый день уходил на задавание длинного ряда уроков.

Занятия здесь начинались после чая и продолжались до двенадцати часов дня. В двенадцать ученицам полагалось время на завтрак, но они не уходили завтракать домой, а съедали хлеб, принесённый с собой утром, тут же. При этом каждая давала учительнице половину своего хлеба.

В первый день я не принес хлеб и учительница протянула мне кусок от лепешки.

– Я угощу тебя сегодня, а завтра ты принесешь с собой побольше и побольше дашь мне.

После завтрака дети подметали начисто двор и дом биби-халифы. Иногда она давала им стирать для себя бельё. Даже меня заставляла она принимать участие в стирке и при этом говорила:

– Учись стирать. Когда вырастишь большой и поедешь в Бухару учиться в медресе, тебе это пригодится.

Биби-халифа также имела около себя длинную палку, которая стояла прислоненной к стене. Но я никогда не видел, чтобы она кого-нибудь била этой палкой. Если какая-нибудь ученица, с которой она занималась, не могла правильно повторить урока, она ударяла её по лицу широким рукавом своего ситцевого или бязевого платья. Удар её рукава производил действие не большее, чем слабый ветерок.

Ученицы её не играли в дурные игры и не дрались друг с другом. Если они могли улучить минутку при подметании двора или во время стирки, они играли в куклы, готовили в обломках глиняной посуды из песка кушанья и задавали своим куклам большие пиры.

Они и для меня также смастерили куклу-мальчика и во время игры в свадьбу делали мою куклу женихом для своих. А так как, кроме моей куклы, других кукол-мальчиков не было, то иногда ей доставалось сразу по десять-двенадцать невест. По правде говоря, эта игра мне очень нравилась.

Однако иногда случалось, что девочки заставляли своих кукол, которые. бедняжки, все имели одного общего мужа, друг с другом драться, и куклы принуждали меня тогда дать некоторым из них развод. Помню до сих пор, что в такие минуты мне бывало немного грустно, и я обещал сам себе, что, когда я вырасту большой, я никогда не возьму двух жен.

Хотя позднее в нашу школу поступил ещё один мальчик, он не удостоился чести быть женихом. Он был несколько грубоват, и девочки ему не сшили куклу.

Я продолжал учиться в школе биби-халифы, окончил Хафтиак* и несколько коротких глав из него даже заучил наизусть. Я прочел

* *Хафтиак (Хафтьяк) – седьмая часть Корана – сборник глав и стихов Корана, широко использовавшийся в учебных целях.*

весь Коран, Четверокнижие* и понемногу начал читать из Хафиза. Однако я все ещё не мог читать ничего, кроме того, что читал у биби-халифы. Например, то стихотворение Хафиза, которое я учил в школе, я мог прочесть везде, чьей бы рукой оно не было написано. Но другие его стихотвория, которые я не учил, я не мог прочесть по книге – я был неграмотен! Писать я не умел вовсе. Несмотря на это, отец взял меня из школы биби-халифы и отправил учиться к имаму и в то же время обучал меня сам. Мне тогда было десять лет.

Но абджад я хорошо выучил, и главы Корана, которые также были написаны по способу абджад, я мог медленно-медленно их читать.

Теперь я думаю, что причины моих успехов были в том, что отец, послав меня в школу биби-халифы, не отказался от желания научить меня счету абджад. Этим он занимался со мною ежедневно с вечерней до ночной молитвы, час в день.

Сначала он показал из абджада «алиф», «бэ», «джим» и «даль», потом объяснил, как надо их читать, соединяя друг с другом. Затем рассказал мне числовое значение букв: алиф – один, бэ – два, джим – три, даль – четыре.

Так он научил меня слогам вместе с числовыми значениями букв. В течение месяца я смог разобраться в буквах абджада и научился тому, как счёт идет сначала по единицам до десятка, прибавляясь по одному, потом, прибавляясь по десятку, доходит до ста, затем, увеличиваясь на сотни, – до тысячи.

После того как я все это выучил, отец сказал:

– Теперь я научу тебя ещё одной интересной вещи: это – девять цифр и один нуль, которые изобретены индийскими учены-

* *Четверокнижие («Чоркитоб») – книга, содержащая изложение обрядовых установлений и основных положений письма.*

ми. При помощи этих девяти цифр и одного нуля можно сосчитать всё на свете.

Я очень заинтересовался: что это за чудо – девятью цифрами сосчитать весь мир; этому, действительно, стоит научиться! Ведь вот я, имея десять пальцев, с трудом, много раз ошибаясь, едва могу сосчитать дни недели.

Я горячо просил отца как-нибудь поскорее научить меня этим волшебным вещам.

Сначала отец написал и показал мне одну за другой девять цифр. Каждый день он показывал мне по одной цифре и, наконец, показав нуль, объяснил и его значение. Затем он научил меня, как прибавлением к единице нуля образуется десяток. Так мы прошли все цифры до девяти.

Это не составляло для меня труда.

Когда я всё это выучил, отец сказал:

– Ты выучил то, что в нашем селении никто не знает. А что касается счета абджад, то этого не знает даже твой прежний учитель.

И я также в душе очень гордился тем, что изучил такие редкостные науки.

Между тем произошло событие, сделавшее действительно счет абджад моей гордостью.

У нашей мечети происходило новогоднее празднество. На это празднество пришло много народа из соседних селений. Началась борьба. Собравшиеся разделились на две части, соединились в партии и уселись, образовав посредине круг. Отец мой сидел со своей партией, посадив меня рядом с собой. С обеих сторон вышли борцы. Более сильные валили более слабых. Сначала победа была на стороне нашего селения, никто из наших не падал. Наконец с противной стороны вышел ученик, обучавшийся наукам

в медресе Бухары, и вызвал бороться нашего односельчанина, который повалил перед тем кого-то с их стороны.

Наш земляк без всяких отговорок схватился с ним. Однако после нескольких схваток тот осилил, и наш земляк упал.

С нашей стороны вышел другой юноша и вызвал ученика. Может быть, он показался ученику более сильным, потому что он сказал:

– С этим я не буду бороться.

Однако он не сказал: «Он сильнее меня», отговорившись тем, что «тот неграмотный мужик, а я – ученик медресе, и если я буду бороться с мужиком, то уроню честь ученых».

Отец мой, услыхав от него эти слова, сразу рассердился, и, взяв меня за руки, вскочил с места, и, выйдя на середину круга, позвал к себе ученика. Тот пришел и встал перед ним:

– Что скажете?

– Вы кто – ученый иди борец? – спросил мой отец.

– Я ученый и борец, – ответил тот.

– Если вы ученый, – сказал отец, – поспорьте с моим сыном, не взирая на его рост. Пусть все увидят, действительно вы ученый или нет. Если же вы борец, поборитесь с этим юношей, который равен вам и ростом и возрастом, чтобы все убедились, кто из вас сильнее.

Затем отец прибавил:

– Давайте сначала испытаем вашу ученость, – и, взглянув на меня, сказал: – Спроси, сынок, у этого человека что-нибудь из счета абджад.

И я без всякого раздумья спросил у того:

– Т – это сколько?

Он стоял молча, не будучи в состоянии мне ответить.

Отец сказал мне:

– Скажи сам, сколько будет Т.

– Четыреста – ответил я.

После этого отец спросил у него числовое значения ещё нескольких букв. Когда он не мог ответить, отец спрашивал меня, и я отвечал.

Тогда все начали улюлюканьем дразнить сторонников ученика медресе. От стыда он стал красный, как рак.

Отец сказал ему:

– Теперь испытание вашей учености кончилось. Можете спокойно бороться с этим юношей, как простой мужик.

И тот согласился вступить в борьбу.

Они схватились. Однако лишь только взялись они за воротники друг друга, как ученик упал.

Буря охватила собравшихся. Борьба закончилась.

Молодежь с нашей стороны говорила отцу:

– Бухарца одолел ваш сын. Посрамленный в споре, он растерялся и не мог пустить в дело всю свою силу.

Моя гордость ещё увеличилась от этих слов, и я в душе говорил себе, что надо изучить всякие науки. Однако я все ещё был неграмотен.

***

Так я учился в начальной школе. О том, как я научился грамоте, как учился дальше, как начал писать, я тоже расскажу когда-нибудь.

26 октябри соли 1934, Самарқанд

Садриддин Айни
Старая школа
(повесть)

МОО «Истикбол», Душанбе, улица Саади Шерози, 16, 2010 г.

Учредитель и руководитель Проекта
Ирадж АЙНИ

Консультант
Латофат КЕНЖАЕВА

Редактор
Галина СТЕШЕНКО

Дизайн и верстка
Фарида ЮНУСОВА

Художник
Абдусалом АБДУЛЛОЕВ

Макет
Комрон РАХМОНЗОД

Набор
Гулизор МАХКАМОВА

Корректор
Ганджина МУЛЛОДЖОНОВА

Отпечатано в «Мега басым» mega basım (Турция).

000419150
Китобхонаи миллии Точикистон